

Остров охотников за костями

<http://www.karliki.ru/marian/st01.htm>

Януш Вольневич

Из книги: Я. Вольневич, Люди и атоллы, М., 1986. (Janusz Wolniewicz LUDZIE I ATOLE (czyli wedrowki po Mikronezji) Warszawa 1982)

Перевод с польского Л.С. Ульяновой

В резком свете заходящего солнца на самой высокой точке Скалы самоубийц сиял белизной монумент Мира. Вокруг сосредоточенные лица: очередная группа японских туристов возлагала цветы и чтילה минутой молчания память погибших соотечественников. Далеко внизу — ровный ковер зелени, переходящий в изумруд океанских вод. Огромный красный диск солнца медленно тонул за горизонтом.

Несколькими часами раньше там, внизу, где рдел кровавый закат, на берегу моря полыхал огромный, сложенный из целых стволов деревьев погребальный костер. На нем пылали выбеленные временем человеческие кости. В вихре дыма и пламени трепетали полотнища, исписанные иероглифами, национальный флаг Японии и маленькие сверточки с подарками... для умерших. Несколько десятков черепов, словно кошмарные призраки, гримасничали в неровных отблесках пламени.

Возле пылающего костра, будто дьявольский подмастерье в преисподней, суетился хромоногий японец. Он поливал пылающую грудку какой-то жидкостью из множества маленьких флакончиков. Обстановка отнюдь не напоминала XX в., хотя низко над костром, как символ современности, пронесся реактивный самолет. Трещали раскаленные головешки, рушились в огонь человеческие кости и черепа.

— Это была ужасная война, — вздохнул стоящий рядом со мной молодой человек, который представился мне как Тоё Сакура, студент Токийского университета.

— Не можете ли вы мне объяснить, для чего и чем поливают костер?

— Водой. Ее привезли из Японии ветераны боев на Марианских островах. Они даже организовали свое Общество поставщиков воды, потому что помнят, как тяжело страдали люди от ее отсутствия в последние дни сражения за Сайпан. Сейчас они окропляют костер, чтобы принести облегчение душам погибших японских солдат.

Вскоре огонь начал постепенно угасать.

— Скажите, погребальная церемония уже окончена?

— Нет, что вы! Видите эти картонные коробки? Туда после кремации положат прах, а затем в ящиках, обернутых в траурные белые полотнища, отправят в Японию. Ранней весной состоится церемония захоронения в храме Хидори Гафуки. Он соответствует Могиле неизвестного солдата в США и Европе.

Японский студент оказался словоохотливым собеседником и приятным человеком. Благодаря ему мне удалось побывать в огромной палатке, где готовили подарки для погибших солдат. Собравшиеся здесь молодые люди связывали в букетики цветы, готовили ленты, небольшие порции риса и т. п. На столе стояли также бутылки с водой, сакэ*, лежали пачки папирос и кусочки сандалового дерева. Здесь была основная база добровольческого студенческого отряда, разыскивающего захоронения, вернее, кости. От них я получил кое-какие сведения об этой важной акции, продолжающейся много лет на всех бывших театрах военных действий на Тихом океане.

Кампания началась в 1960 г. с официальной просьбы министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии разрешить поиски останков погибших и их отправку на родину. По сведениям японцев, на острове погибло около 45 тысяч солдат и гражданских лиц.

Поиски начались в 1968 г. после переговоров между правительствами подопечной территории и Японии. Из членов Общества осиротевших семей (Нихон Изоку Каи), Добровольного студенческого общества следопытов (Саинен Дан), а также Общества ветеранов боев за Марианские острова создали специальные поисковые отряды, финансируемые правительством. Они были укреплены группами альпинистов, которые обследовали отвесные скалы, пещеры, где также имелась вероятность обнаружить останки погибших.

— Сейчас, в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, на острове еще находится около пяти тысяч останков наших соотечественников, — сообщил мне пожилой, сеющий человек, вероятно глава студенческого отряда — Три года назад обнаружили огромную братскую могилу, но после эксгумирования около ста скелетов начались тропические дожди, а затем произошел оползень. В ближайшем будущем мы снова начнем копать в том месте.

Отправляясь в полет с Гуама на Сайпан, я и не предполагал, что спустя 30 с лишним лет после окончания войны увижу столь наглядные свидетельства того тяжелого времени: черепа, кости, искателей могил... Однако в этом коротком полетном перелете заключалась еще одна аномалия. Так, вылетев с Гуама, пролетев мимо острова Рота и приземлившись на Сайпане, я оказался в другом государстве, а именно на американской подопечной территории тихоокеанских островов**.

Что же это такое — подопечная территория? В самых общих словах, она состоит из акватории Тихого океана площадью 8 миллионов километров, по которой разбросано 2140 островов и атоллов. 100 из них заселяют 110 тысяч жителей. Подопечная территория складывается из трех основных архипелагов: Марианского, Каролинского и Маршалловых островов — и обычно называется Микронезией. Общая поверхность всех, в том числе и необитаемых, островов не превышает 2 тысяч квадратных километров. Подопечная территория тихоокеанских островов — политическое наследие мандатной территории Лиги наций, управлявшейся японцами, начиная с Версальского договора до окончания второй мировой войны, т.

е. почти 30 лет. За это время японцы сумели превратить клочки суши не только в цветущие сады, но и в мощные военные базы для ведения войны на Тихом океане. 1944 год принес им поражение, и названия погруженных во мрак истории таких крошечных островков, как Сайпан, Гуам, Тиниан и другие, вдруг появились в заголовках, притом набранные самым крупным шрифтом, на первых полосах газет.

** Саке — японский алкогольный напиток (рисовая водка), употребляемая в подогретом виде.*

*** В последнее время так называемые Северные Марианские острова были выведены из подопечной территории тихоокеанских островов и обрели статус «содружества» с США, подобный статусу Пуэрто-Рико.*

Жестокая война

После поражения при Пёрл-Харборе в 1941 г. американцы сравнительно быстро перевели свою мощную промышленность на военные рельсы, и спустя короткое время на Тихом океане оказалось значительное количество военных кораблей, снаряжения, обученных войск и самолетов и авианосцев, которые сыграли важнейшую роль в овладении Тихим океаном.

Одновременно с ростом военной мощи союзники усилились атаки на японские позиции и аэродромы, рассеянные на островах подопечной территории и других, захваченных ранее японцами. Союзники стали постепенно вытеснять врага с отдельных островов и захватывать целые архипелаги. Объединенный комитет начальников штабов на Тихом океане разработал тактический принцип так называемых «лягушачьих прыжков». Он основывался на обходе второстепенных опорных пунктов японцев и захвате наиболее важных баз, подавление которых было необходимо для осуществления следующего «прыжка».

В рамках этого плана на 15 июня 1944 г. американцы запланировали провести операцию «Фуражир», т. е. вторжение на острова Марианского архипелага, в частности на Сайпан, Тиниан и Гуам. Подготовкой к этой операции послужил захват островов Гилберта и Маршалловых, а также ряд мощных налетов на японские аэродромы и базы, расположенные на соседних островах. Позаботились американцы и об уничтожении подкреплений, отправлявшихся на Марианские острова. Так, уже в феврале американская подводная лодка «Траут» атаковала конвой, идущий на Сайпан, и уничтожила судно со снаряжением и 2500 солдат. Подводная лодка «Сэндлэнс» в другом конвое потопила два транспортных судна и крейсер. В марте и апреле бомбардировщики, стартовавшие с авианосцев, совершали мощные налеты на стратегические аэродромы противника. В результате американцы обеспечили себе полный контроль на воде и в воздухе в районе предполагаемого вторжения на Марианских островах, которые представляли собой стратегически важный пункт для непосредственных воздушных атак на Японию.

В предусмотренное планом время американцам удалось также разрешить разного рода организационные проблемы, подготовку транспорта и прочее, т. е., как говорится в наше время, весь план операции. Это были непростые задачи, хотя бы потому, что основной базой сложной операции был только что отбитый у японцев атолл Энвиевок, находящийся от Сайпана почти в 2 тысячах километров, причем эта «база» состояла в основном из лагуны, пляжа и нескольких кокосовых пальм. Настоящей базой были Гавайские острова, но они отдалены от театра военных действий на 6500 километров. Особой, но также чрезвычайно важной проблемой оставалось составление карт, так как оказалось, что японцы в 30-е годы держали свои владения в такой глухой изоляции, что американцам была неизвестна даже элементарная топография островов, которые они собирались захватить. Срочно организовали детальную воздушную разведку и на основе топографических данных составили карты. Анализ этих данных и разведывательных материалов позволил оценить японскую оборону. Как выяснилось позже, разведка недооценила японские силы. Их признали вполуполовину меньшими, чем было на самом деле.

Вторжение на Марианские острова началось за 4 месяца до основной наступательной операции, так как уже во второй половине февраля в результате мощных воздушных налетов было уничтожено около 160 японских самолетов, находившихся на нескольких аэродромах архипелага. Налеты продолжались до самого вторжения. А это была крупнейшая военная операция на Тихом океане.

В ней принимали участие 535 военных и вспомогательных кораблей и 127 571 солдат. Кроме того, от возможных нападений противника группу вторжения охранял флот. В его состав входило, между прочим, 15 крупных авианосцев с 800 самолетами на борту*. Все это было направлено на островок, длина которого не превышала 23 километров, а площадь— 120 квадратных километров.

Любопытная деталь: в состав сил вторжения входила воинская часть специального назначения — Подводный отряд разрушителей (ИДП), который состоял из аквалангистов (тогда еще новинка) и имел целью уничтожение подводных заграждений, затрудняющих десанту высадку на сушу. Это были главным образом мины, бетонные преграды или заграждения из колючей проволоки.

Этим огромным силам японцы могли противопоставить 32 тысячи недостаточно вооруженных солдат, в частности вследствие упомянутых противоконвойных операций американцев. Укрепления на острове остались недостроенными, так как японцы не ожидали столь раннего нападения на Сайпан. Японскую армию на острове возглавлял генерал Ёситсугу Саито, здесь же находился адмирал Нагумо, командовавший нападением на Пёрл-Харбор.

Прелюдией к вторжению стали, как уже упоминалось, воздушные налеты и артобстрел из морских орудий, которые продолжались двое суток перед наступлением. Морская артиллерия американцев показала себя не с лучшей стороны. 7 линкоров адмирала Ли выпалили 2500 шестнадцатидюймовых и 13 тысяч пятидюймовых снарядов... без результата. Был уничтожен лишь сахарный завод, который отнюдь не являлся военным объектом. Американский историк Сэмюэл Э. Моррисом об этой операции писал, что «наш

флот взял на себя роль крестьян — вспахал поля, постриг деревья, покосил траву и густо засеял землю металлом».

В день, предшествовавший вторжению, другая эскадра стреляла лучше, но, в свою очередь, и японская артиллерия добилась нескольких прямых попаданий в корабли. В результате, как выяснилось позднее, артподготовка в первой фазе сражения почти не нарушила японской обороны, что десантные отряды вскоре ощутили на собственной шкуре. Наступило 15 июня 1944 г. В Европе уже шла высадка в Нормандии. На Тихом океане начался настоящий ад.

Американцы ударили по Сайпану. В золотистом свете раннего утра завязалось жестокое сражение. Прошло немного времени, и в чистое небо взвились гигантские клубы дыма, пространство наполнилось гулом боя. Над плацдармом, выбранным американцами для высадки и условно разделенным на Красный, Зеленый, Желтый и Голубой пляжи, господствовала высота Фина Су-су, а с левой стороны виднелась самая высокая вершина Сайпана — Тапотчао, справа — равнина. Десантные корабли всех родов — с танками, Огнеметами, бронетранспортерами и другим разнообразным снаряжением, какое только было в распоряжении военных того времени - рванулись к берегу. Высадка происходила на побережье длиной около 4 миль. Отработанная в последних военных операциях техника высадки десанта «сдавала» еще один кровавый экзамен. Командос-под водники оказались почти без работы. Японцы не успели сделать подводных заграждений перед пляжами. За первые 20 минут на берег высадилось около 8 тысяч (!) солдат со снаряжением, вспомогательной техникой, боеприпасами и госпиталями.

Крупные корабли — линкоры, крейсера — с расстояния меньше километра от берега палили из всех орудий по острову и прибрежной полосе за пляжем. Казалось, японцы после такого огня должны были быть разбиты в пух и прах, вбиты в коралловый песок. Однако этого не произошло.

За два часа высадки на узкой полоске берега оказалось огромное скопление маринес и значительное количество техники, правда не всегда на позициях, предусмотренных штабными теоретиками. Японцы хладнокровно дождались третьей и четвертой волны десанта, который прорвался через рифы и высадился на открытом берегу, и обрушили на этот до отказа забитый клочок берега шквальный огонь из всех имевшихся видов оружия: орудий, автоматов, минометов. При этом выяснилось, что они имеют множество хорошо замаскированных огневых точек, которые отлично пристреляны к каждому квадратному метру прибрежной полосы, что, без сомнения, было отработано задолго до вторжения. Японцы предприняли также ряд коварных выходов. Так, казалось бы, брошенные на берегу танки внезапно открывали огонь по войскам, беспечно высаживающимся на берег. Таким образом, потери американцев неожиданно оказались весьма существенными. Один из американских батальонов в короткий промежуток времени потерял 150 человек и среди них много офицеров.

Несмотря на отчаянное сопротивление японцев, высадка продолжалась довольно гладко. Вскоре стало ясно, что при подавляющем превосходстве война на Сайпане не будет молниеносной и предстоит долгая и тяжелая борьба. В первый день вторжения на берег высадилось более 20 тысяч солдат, из которых 500 было убито и свыше 1000 ранено, в результате полевые госпитали оказались переполненными. В первые 3 дня сражений пришлось эвакуировать под неприятельским огнем более 3500 раненых и перевезти их на борт плавучих госпиталей «Солас» и «Баунтифул», которые прибыли в район боев 18 июня.

Японцы мужественно защищались. Они старались всячески сделать так, чтобы ни один американец не спал более нескольких минут. Ночные контратаки больших и малых групп повторялись в течение всей ночи. Одна из крупнейших контратак, с трудом отбитая при поддержке бомб и корабельных орудий, стоила японцам свыше 700 убитых, но нагнала страху и на американцев, оказавшихся на незнакомом берегу, нанеся им большие потери.

Как можно было предвидеть, преобладающие силы американцев медленно, но верно продвигались в глубь острова, тем более что Саито начал перегруппировку своих войск. Американцы овладели всей южной частью острова, за исключением отдельных мелких очагов сопротивления, но лишь на шестой день сражения на берег были переброшены оставшиеся войска, саперы, все снаряжение и т. п. В то же время вице-адмирал Тернер передал командование новому военачальнику — генералу сухопутных войск на Сайпане Смигу.

Во вторую неделю вторжения развернулись жестокие бои за укрепленную высоту Тапотчао и ее окрестности. Американцы продвигались на 300—400 метров в день. Командование десантных войск совершало ошибки, случалось также, что огневая «поддержка» с кораблей поражала свои же войска, что принесло американцам немало потерь и добавило беспорядка и неразберихи. Было принято решение: сместить командира 27-й американской пехотной дивизии.

Американские войска полностью овладели высотой 27 июня. К тому времени японцы потеряли от 70 до 80 процентов военных сил, но продолжали отчаянно сопротивляться. Их командующий — генерал Саито — еще раз провел перегруппировку остатков войск, готовясь до конца оборонять северную, гористую часть острова. Однако в его донесении в Токио открыто говорилось, что «не может быть надежды на победу без поддержки с воздуха». Генерал также просил императора простить его за «слабость» и обещал бороться за северную часть Сайпана до конца.

Американцы приступили к форсированию последней линии обороны. Кроме сухопутных сил в их распоряжении по-прежнему оставались военные корабли, в особенности эсминцы, которые стреляли по всему, что двигалось на острове, подобно снайперам; случалось, что снаряды корабельных орудий попадали в замаскированные входы в пещеры, где были расположены оборонные пункты японцев.

Завершалась третья неделя боев, и, хотя у американцев было в избытке военного снаряжения, из-за ожесточенного сопротивления осажденных они все-таки продвигались с трудом, метр за метром. В ночь с 6 на 7 июля они столкнулись с новой неожиданностью. Несмотря на бессмысленность сопротивления,

солдаты императора не сдавались. Напротив, они выбрали наиболее слабое место в расположении вражеских войск и предприняли самую крупную атаку (банзай) за все время боев.

Это отчаянное нападение было совершено в 5 часов утра. 3000 солдат императора, вооруженных бамбуковыми пиками и ножами или не вооруженных вообще, которые с криками «банзай!» и «шихисси хококу!» («Жизнь семи врагов — в жертву отчизне!») ринулись на ошеломленных американцев. Бой, проведенный почти голыми руками, стоил американцам почти 400 убитых. Однако на следующий день на поле было обнаружено 4300 павших японцев. Американские историки так по сей день и не знают: то ли атака была проведена большими силами, то ли на этом месте еще раньше погибло 1300 японцев.

Японское командование уже не могло узнать о результатах этой самоубийственной атаки, так как той же ночью генерал Саито и члены его штаба воссоединились с духами предков. Подписав последний прощальный приказ у входа в пещеру, которая служила ему все это время командным пунктом, с лицом, обращенным к востоку, генерал «проявил мужество истинного японца» и совершил сеппуку (харакири) своим самурайским мечом. Потом в соответствии с приказом адъютант выстрелил ему в голову из пистолета, затем покончил жизнь самоубийством; за ним то же сделали члены штаба. Несколько солдат облили себя бензином и подожгли. Позднее останки генерала были похоронены американцами со всеми полагающимися по рангу военными почестями. Примерно в то же время в соседнем гроте застрелился адмирал Хуихи Нагумо, возглавлявший японские военные силы при нападении на Пёрл-Харбор менее трех лет назад. Еще два дня продолжались отдельные стычки с разрозненными группами японцев, и наконец в знак овладения островом 10 июля 1944 г. на Сайпане состоялось официальное поднятие американского флага.

Зловещими стали события при захвате Сайпана, разыгравшиеся на северном, обрывистом берегу острова, куда вместе с остатками армии согналы свыше 20 тысяч гражданского населения — японских колонистов. Под влиянием пропаганды эти люди панически боялись «американских дьяволов» и отвергали многократно повторяющиеся призывы сдаться. На скалистой площадке (Скале самоубийц), до отказа забитой людьми, разыгралась сцена Дантова ада. По добровольному согласию люди стали убивать друг друга. В этом трагическом происшествии не последнюю роль сыграли японские традиции. Оякусхинджу, или «пакт смерти» между родителями и детьми, известный в течение многих веков, предписывал смерть сына от руки матери, убийство младшего брата старшим, а также смерть жены от руки мужа. В экстазе люди сталкивали друг друга с высокой горы, сами бросались на острые рифы, подрывали себя гранатами, разбивали головы детей о камни. В этом аду немногие оставшиеся в живых офицеры рубили головы стоявшим навтыжку в строю солдатам, стреляли в женщин по их просьбе и пускали себе в лоб последнюю пулю. При всей известной жестокости войны на Тихом океане это добровольное самоистребление, несомненно, одна из самых потрясающих ее картин.

** Эта предосторожность оказалась вполне обоснованной, так как японцы бросили на оборону Марианского архипелага почти все свои морские силы. Разыгралось так называемое сражение на Филиппинском море, состоявшее из нескольких крупных военно-морских операций, которые принесли императорскому флоту тяжелое поражение. С октября 1944 г. японский флот практически перестал приниматься на Тихом океане в расчет.*

Чиновник-поэт

Я осторожно сошел со Скалы самоубийц, где каждый камень казался мне пропитанным кровью. Моим спутником и гидом в поездках по острову был в тот день Вэл Сэнгэбао, чиновник департамента информации правительства подопечной территории, знатный микронезиец с острова Палау, а в частной жизни — поэт.

— Еще много недель спустя после официального захвата острова здесь творились страшные вещи, — продолжал Вэл прерванную беседу. — С помощью бульдозеров и цемента американцы замуровывали входы в пещеры откуда японцы все еще совершали дерзкие налеты. Так что там наверняка погребено много солдат. — Вот почему в группах следопытов всегда есть профессиональные спелеологи, — догадался я.

— Конечно. Впрочем, что скрывать — эти «искатели костей» для нас, жителей Сайпана, — реальный доход. Многие уже беспокоятся, — прошу простить меня за тривиальность, — что будет с нами, когда эти кости кончатся...

Вэл бросил на меня взгляд — не выдает ли выражение лица моего возмущения — и продолжал:

—...Однако японцы — удивительные люди. Приезжают к нам... или эти, ну, искатели, или новобрачные парочки... чтобы провести здесь свой медовый месяц. Сюда, к нам! Как-то противоестественно, вам не кажется? Медовый месяц среди пылающих костров...

— Послушайте, Вэл, — прервал я его на полуслове, опасаясь детального анализа проблемы, — а что, действительно экономика Сайпана находится в скверном состоянии?

— Да, дела идут неважно. У нас главный работодатель — государство. Оно пожирает процентов 50 рабочей силы. Потом идут доходы с туризма, и... больше ничего нет, Ян. Ничего! Вот уже прошло более тридцати лет, как кончилась война, а мы даже не обеспечиваем себя продуктами питания. Много продуктов вывозим с соседнего Тиниана, хотя у нас жителей всего-то не более тринадцати тысяч человек. Уровень экономики тысяча девятьсот четырнадцатого — тысяча девятьсот сорок четвертого годов до сих пор для нас недостижим. Сейчас здесь не растет ни одного стебля сахарного тростника. Вокруг — посмотрите сами — только танган-танган, трава, которую сразу после войны американцы посеяли с самолетов, чтобы предотвратить страшную эрозию и спасти остатки почвы. Если поток туристов иссякнет, нам останется лишь канцелярщина или — еще раз извини за кощунство — продукция человеческих костей из пластика.

Вэл — настоящий патриот Микронезии. Он очень близко принимал к сердцу судьбу подопечной территории. Но это не мешает ему оставаться самоотверженным гидом. Таким он оказался и для меня. Он возил меня повсюду, где только могла пройти его машина. Вэл, полнеющий, уже с брюшком мужчины, производил

впечатление сибарита. Мы так и не попали на восточное побережье, где совсем нет дорог. Зато мы довольно часто отдыхали за кружкой пива в придорожных барах. В основу нашего путешествия по острову, в котором моим гидом оказался чиновник-поэт, была положена программа, разработанная для японских туристов — самых желанных гостей на Сайпане. Я узнал, что для них издаются специальные карты с названиями на японском языке и постоянно обновляется военный металлолом. Так, например, в одном месте под названием «Last Command Post» («Передовой командный пункт») можно увидеть живописно расставленные орудия; в другом — японские буксиры в хорошем состоянии, защищавшие подходы к побережью; у Мэрпи-Роуд — подбитый американский танк. Приезжим из Японии показывают также остатки узкоколейки, по которой перевозили сахарный тростник с многочисленных плантаций, памятник японскому «королю сахара», старый маяк и развалины тюрьмы.

Эти руины некогда мрачного здания служат напоминанием об Амелии Эрхардт, известной американской летчице. Она была первой женщиной, которая перелетела Атлантический океан. Это произошло в 1932 г. Затем впервые в мире она совершила одиночный полет на небольшом самолете по трассе Гавайские острова — Калифорния. Этот полет был совершен в 1935 г., продолжался 18 часов и принес летчице всемирную славу.

Затем Амелия решила облететь по экватору вокруг земного шара, на этот раз в сопровождении штурмана Фрэда Нунана. Машина для экспедиции была оборудована одним из американских университетов. 2 июня 1937 г. Амелия с коллегой стартовала с Флориды. Ровно через месяц дамско-джентльменский экипаж (с Новой Гвинеи) начал перелет над Тихим океаном протяженностью 4 тысячи километров. Он должен был завершиться посадкой на острове Ховард, специально подготовленном для этой цели военно-морским ведомством Соединенных Штатов Америки.

Самолет и его экипаж больше никто не видел. Тем не менее на тему о «таинственной гибели Амелии Эрхардт» вышло несколько книг. В большинстве из них высказывается мнение, будто американской летчице было поручено шпионское задание, состоявшее в сборе информации о мероприятиях японцев на островах, проводимых в глубокой тайне. Предполагают, что Амелия Эрхардт и Фред Нунан сделали вынужденную посадку Сайпане. Здесь их отправили в тюрьму и затем казнили в подтверждение этой версии приводятся многочисленные факты и документы. Другие авторы утверждают, что после официальной приостановки поисков самолета и сообщения о гибели Амелии Эрхардт ее тайно обменяли на японских шпионов и она под другим именем здравствовала еще после второй мировой войны. В связи с этой историей можно также упомянуть, что в 30-х годах по приглашению авиационного командования Амелия Эрхардт побывала в Польше.

Вэл ничего не знал об Амелии. Зато он познакомил меня, к сожалению теоретически, с расширенной и, разумеется, более дорогой программой для экскурсантов из Японии. За некую дополнительную плату они могут побывать в пещерах, где располагались пункты обороны, а также взобраться на Тапотчао.

— Она поднимается над уровнем моря более чем на тысячу пятьсот футов, — сообщил мне Вэл. — Местное бюро по туризму заботится также о том, чтобы наши дорогие туристы могли искупаться и отдохнуть на пляжах, бывших некогда местом высадки для американцев, то есть на Красном, Желтом и Зеленом пляжах. Как дополнительное мероприятие можно осмотреть остовы десантных барж или видные на мелководье остовы танков.

Вэл был явно утомлен рассказом и, несмотря на то что мы запланировали посещение международного аэродрома, быстро закончил нашу экскурсию под предлогом срочного дела и отвез меня в отель. На следующий день мы договорились снова встретиться.

«Ройял Тага Отель», в котором я остановился, был расположен возле Красного пляжа. Освеженный купанием, я сидел на террасе в том месте, где много лет назад рвались мины и снаряды. Был уже восьмой час вечера, наступила темнота. Вдоль всего пляжа вела прогулочная дорожка. Ее освещал длинный ряд газовых факелов, отбрасывая на воду пурпурные отблески. От легкого бриза беспокойно трепетало дымное пламя. В этом месте оно особенно напоминало о душах погибших, о гекатомбе войны, о погребальных кострах, которые, наверное, еще долго будут пожирать человеческие кости на этом крошечном, затерянном в океане клочке земли.

Столичные учреждения

На следующий день мне удалось побывать на Капитолийском холме — так называется место, где находится резиденция правительства подопечной территории. Правительственные учреждения размещены... в барачном комплексе. И правильно — небоскребы на Сайпане, несмотря на все великолепие, которое должно сопутствовать всякой власти, свидетельствовали бы о склонности к преувеличениям.

На Капитолийский холм я попал не в лучший момент.. Чиновничья братия находилась в сильном возбуждении. С поста уходил верховный комиссар Питер Т. Колмэн, а на его место вступал Адриан П. Уинкл. Первого уже не было, второй еще не явился. Я не смею утверждать, что такое положение дел не повлияло на активность правительства. Из поверхностных наблюдений на месте событий следовало, что работа правительственных учреждений свелась преимущественно к многочасовым дискуссиям. Этому способствовало еще одно обстоятельство — отсутствие света. Неисправность на городской электростанции погрузила во тьму многочисленные помещения правительственных зданий, не имевших окон. Самое страшное — это то, что перестали работать кондиционеры, что, безусловно, еще больше накалило атмосферу, в которой разгорались споры, делались новые предположения, прогнозы.

Я блуждал по конторам, пожимая в полутьме чьи-то руки, на ощупь обмениваясь визитными карточками. Однако, по мере того как я набирался сведений о территории и ее управлении, ситуация постепенно

прояснялась. Несколько позднее оказалось, что в потемках я познакомился с массой очень милых, отзывчивых людей, которые охотно отвечали на мои иногда наивные вопросы, забрасывали меня потоком информации и оказывали вполне конкретные услуги.

Итак, с помощью новых знакомых я прежде всего привел в порядок *pleno titulo* власти.

Во главе US Trust Territory of Pacific Islands — таково официальное название этого политического организма — стоит верховный комиссар, назначаемый президентом США с согласия сената. Он ответствен за выполнение всех опекунских обязанностей, взятых на себя американским правительством в 1947 г. на основе соглашения с Организацией Объединенных Наций.

В состав администрации верховного комиссара входят его заместитель, который назначается министром внутренних дел, и целая плеяда ответственных (и высокооплачиваемых) чиновников, например специальный ассистент по вопросам дистриктов, чиновник по стихийным бедствиям, специальный консультант, генеральный прокурор и др. О деятельности этих господ можно было бы написать отдельную брошюру, а верховному комиссару подчиняются еще и директора департаментов, т. е. министерств. Их восемь: образования, финансов, здравоохранения, кадров, пропаганды, общественных работ, ресурсов и развития и, наконец, транспорта и связи.

9 советников и 8 директоров-министров составляют собственно кабинет правительства, с которым находятся в тесном сотрудничестве комиссары-резиденты шести дистриктов, составляющих подопечную территорию. В американской Микронезии существуют следующие дистрикты: Палау, Понапе, Яп, Трук, Маршалловы и Марианские острова. Так в общих чертах выглядела

исполнительная власть подопечной территории*. Она, естественно, отделена формально от законодательной власти, которую представляет конгресс Микронезии, т. е. двухпалатный парламент, состоящий из 12 сенаторов и 21 депутата. Этот орган избирается всеобщим тайным голосованием гражданами, достигшими 18-летнего возраста. Выборы происходят каждые два года.

Наряду с законодательной и исполнительной властью на территории Микронезии независимо существует трехступенчатая судебная система, а именно верховный суд, суды в дистриктах, или окружные, и местные суды. Вся эта система функционирует под административным надзором верховного судьи, назначаемого также министром внутренних дел США.

Когда в кабинете мистера Стрика Джомы, олицетворявшего высшую власть в государстве в отсутствие верховного комиссара и его заместителя, я упивался свежедобытыми знаниями, вдруг посыпались слова «референдум», «присоединение», «Северные Марианские острова» и объяснения к ним. «Здание» моих познаний зашаталось.

- Видите ли, — продолжал представитель исполнительной власти, — в тысяча девятьсот семьдесят пятом году у нас прошел специальный референдум, кстати, по желанию жителей Северных Марианских островов, относительно будущего островов, входящих в состав этого дистрикта. Около восьмидесяти процентов проголосовавших высказалось за присоединение к США.

— Что это значит?

— Выделение этого дистрикта из состава подопечной территории.

— И все?

— И присоединение этого дистрикта к Соединенным Штатам Америки со статусом, подобным Пуэрто-Рико.

— Сколько же граждан и какую территорию приобрел Вашингтон?

— Марианский архипелаг, разумеется без Гуама, то есть его северная часть, насчитывает тридцать отдельных островов и одну группу, состоящую из трех крошечных островков. Вся поверхность архипелага — восемьдесят пять квадратных миль, или около четырехсот восьмидесяти квадратных километров. Три пятых этой территории составляет поверхность Сайпана, Тиниана и Роты. Кроме них заселены только Агриган — сорок восемь человек, Паган — пятьдесят семь и Аламаган — двадцать пять. Всего на Марианских островах проживает сейчас четырнадцать тысяч триста пятьдесят пять человек.

— Таким образом, решение приняли за всех жители Сайпана. Но ведь больше половины из них получает жалованье из правительственных касс, которые наполняет Вашингтон, — заметил я.

— Это верно. Сайпан имел решающее значение.

А что касается этих денег — я вижу, вы читали высказывания сенатора Харта...

В этом месте мне пришлось сделать соответствующее выражение лица, хотя никаких высказываний я не читал.

— И я должен заметить, эти мифические десять тысяч долларов, обещанные после референдума каждому жителю Марианских островов, включая грудных детей, — иронизировал Джомы, — почему-то еще до нас не дошли. Но дотации, начиная с тысяча девятьсот сорок седьмого года, регулярно поступают в кассы подопечной территории и наверняка будут поступать и впредь. Поэтому обвинение в подкупе мне представляется неверным. Зато, пожалуй, правда, что здешние люди уже привыкли к сравнительно высокому уровню жизни и стремясь сохранить его, голосовали за тесные связи с США.

— Скажите, пожалуйста, когда подопечная территория уменьшится на один дистрикт — Марианские острова что станет со столицей на Сайпане и этим административным центром, где мы сейчас беседуем? — поинтересовался я.

— Формально договор об опеке теряет силу в тысяча девятьсот семьдесят первом году, но фактически изменения в статусе этих островов уже начались**. Очередной столицей Микронезии будет, вероятно, Понапе на Восточных Каролинских островах.

— Вы говорите — очередной?

— Совершенно верно. Ведь до Сайпана были другие. Я хочу вам напомнить, что Соединенные Штаты Америки получили от Организации Объединенных Наций Микронезию как стратегическую подопечную территорию. В то время управление ею находилось в руках военно-морского флота. Вы уже слышали о

ядерных испытаниях на Бикини и Эниветоке. В июне 1951 г. управление перешло к министерству внутренних дел, но два года спустя Марианские острова снова оказались почти на десять лет под контролем военно-морского министерства. Тогда говорилось о стратегических целях. Здесь у нас на Сайпане был центр ЦРУ — это не секрет,—функционировала школа для китайцев с Тайваня, которые должны были выполнять специальные задания против социалистического Китая. Тогда столицей территории был Гуам. Сайпан стал столичным островом в тысяча девятьсот шестьдесят втором году.

— Но в других дистриктах гражданское управление существовало уже с тысяча девятьсот пятьдесят первого года, не правда ли? — спросил я.

— Да, это, действительно, так.

— Что-то уж очень все сложно, вы не находите? Марианские острова снова меняют статус, а как же остальные? Все-таки из одиннадцати подопечных территорий, установленных ООН после второй мировой войны, Микронезия — последняя.

— Правильно. Дело в том, что мы напряженно ищем решение. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году здешний конгресс создал комиссию будущего подопечного статуса нашей подопечной территории. Члены комиссии совершили много поездок, ознакомились с политической системой на Фиджи, Самоа, островах Кука и во многих других местах, а также состоянием дел по всем шести дистриктам подопечной территории. В результате проделанной работы комиссией было внесено в конгресс предложение: либо статус автономного государства, добровольно' объединенного с США, либо абсолютно независимое государство.

— Это была бы довольно иллюзорная независимость. Мы с вами это прекрасно знаем...

— Во всяком случае, комиссия продолжает работать, а конгресс выделил большую сумму денег на так называемое «ускоренное политическое просвещение народа», — ушел от ответа Джомо. — Американцы предложили островам статус содружества, то есть такой же, который будет у Марианских островов.

— Что же станет с остальной подопечной территорией?

— В ноябре тысяча девятьсот семьдесят пятого года представители всех шести дистриктов подписали на официальной церемонии проект конституции Федеральных Штатов Микронезии. По этому проекту будет проведен референдум, и, возможно, по истечении опеки в этом районе Тихого океана возникнет именно такое государство.

После этих слов мистер Джомо деликатно дал мне понять, что посвятил мне довольно времени и его ждут обязанности. Мне осталось только сердечно поблагодарить высокого чиновника и углубиться в темные коридоры барачных в поисках Вэла, занимавшего выгодную должность в департаменте общественных работ.

Поэт ждал меня с целой стопкой карт, рапортов, материалов о подопечной территории. Это свидетельствовало о том, что количество бумаг как атрибутов власти здесь соответствует обычному европейскому уровню. Я покопался в* этих горах сведений и обнаружил в них преамбулу к проекту конституции будущих Федеральных Штатов Микронезии. Мое внимание привлекли несколько лаконичных абзацев, содержащих мудрые слова:

«... Чтобы возник один народ на множестве островов, мы принимаем различия наших культур. Различия обогащают нас. Моря нас сближают, а не разделяют. Наши острова поддерживают нас, наш островной народ приумножает нас и делает сильнее...»

Наши предки, которые построили свои дома на этих островах, не прогнали отсюда других людей. Мы, которые остались, не хотим иного дома... Микронезия возникла в те времена, когда человек пересекал моря на плотках и лодках. Микронезийский народ рождается в век, когда человек путешествует среди звезд, наш мир сам по себе — остров. Мы выходим навстречу другим народам, у которых ищем мира, дружбы, сотрудничества и любви...»

— Ничего из этого не выйдет. — Вэл вежливо подождал, пока я закончу читать проект конституции, и вступил в дискуссию. — Федерация никогда не была популярна, да и сейчас представители Маршалловых островов ведут в Вашингтоне сепаратные переговоры об особом статусе, так же как представители Палау.

— Хорошо, но почему?

— Люди прекрасно понимают: мы настолько бедны, что не можем быть независимы. Это во-первых. Во-вторых, в-третьих, в-четвертых — вы должны понять, что эти «различия» из проекта конституции вовсе нас не объединяют. Формально все жители подопечной территории считаются микронезийцами, за исключением примерно тысячи человек полинезийского происхождения, проживающих за Капингамаранги и Нукуоро. Но примите во внимание хотя бы язык — здесь различия колоссальные. На подопечной территории только основных языков насчитывается девять групп, а там еще множество диалектов! Все это живые языки, и большая часть людей, говорящих на них, знают лишь язык родного острова или его диалект. Кроме того, имеются существенные различия в культуре и обычаях. Эти наши клочки суши — в большинстве случаев действительно замкнутые маленькие мирки. Идея федерации не только чужда, но и враждебна им. Здесь веками велись войны

из-за женщин, свиней или клеветы. Проблема трудная, да и правомочная ли? Наши острова разбросаны на пространстве, равном территории Соединенных Штатов Америки. Что нам, собственно, может дать федерация?

— Хорошо, если не федерация, тогда что же?

— Значительная внутренняя автономия и притом тесная связь с США. Мы и так имеем сейчас гражданство и паспорта подопечной территории, но дипломатическую опеку над нами за границей осуществляет Вашингтон.

— В последнее время американцы потеряли свои позиций в Индокитае, отдали Окинаву. Эти рассеянные среди океана острова как нельзя лучше годятся под военно-стратегические базы.

— Верно. Ну и что?

— Произойдет то же, что и с Гуамом: жители потеряют много пахотной земли.

— Она и так пустует, а военные за нее заплатят, и все будет хорошо. А может, это действительно выход для наших несуразных, не приспособленных к современному миру островов?

— У вас здесь уже была армия. После этого до сих пор не можете восстановить хозяйство и отбиться от «искателей костей».

Вэл ничего не ответил. Довольный тем, что за мной осталось последнее слово, хотя в дискуссии по фундаментальным проблемам островов я был неизмеримо слабее его, я быстро переменял тему:

— Скажите, есть ли в этом средоточии мудрости какая-нибудь библиотека? — спросил я.

— Конечно, есть. Я провожу вас туда. — Чиновник-поэт быстро поднялся, готовый тут же отправиться осматривать библиотеку. Он познакомил меня с директором библиотеки, который, к моему удивлению, радостно приветствовал в моем лице земляка Яна Станислава Кубари.

— Неужели вы из Польши? — не переставал восторгаться мистер Дэниэл Пикокк. — Вы невероятно, невероятно редкий гость. Я не могу припомнить ни одного гостя этой национальности. Вэл беспокойно завертелся на стуле и наконец решился спросить: — Так разве Кубари поляк? Я всегда считал его немцем.

— Стыдись, Вэл! — воскликнул директор библиотеки. — Какой же из тебя деятель департамента общественных работ? Ведь в нашем журнале есть статья, кажется Митчелла, под названием «Я. Кубари: первый репортер Микронезии». В ней без конца повторяется: «Польский этнограф. Поляк на службе у германской торговой компании».

— Нельзя ли мне взглянуть на этот журнал? — быстро вмешался я, чтобы как-то помочь смутившемуся поэту.

Директор библиотеки исчез в темной (света все еще не было) утробе библиотеки и долго не возвращался.

Наконец он появился с тоненькой брошюрой в руках... 1971 г. издания. Вэл был спасен. В это время он учился в Калифорнии и не мог читать «Микронезийский репортер» издаваемый правительственным Бюро публичной информации подопечной территории.

С разрешения Пикокка я взял с собой интересный номер журнала, а Вэлу, который вновь обрел уверенность прочитал краткую лекцию о Кубари, минуя тот печальный факт, что и в Польше личность «первого репортера Микронезии» тоже не слишком известна. - Таким образом, Вэл, — закончил я свою лекцию — запомни, что мой земляк не только увековечен памятнике на Понапе, но и избран вождем (рупакон) на твоём родном острове Палау; а тебе не надо объяснять, что это значит.

Вэл решил немедленно прочитать о Кубари все, что возможно, и сразу же взял реванш у симпатичного Пикокка Единственной работой Кубари, имевшейся на острове, было неполное издание его сочинений на немецком языке. Порыв Вэла не был удовлетворен. Что касается Кубари, то он действительно необычная личность в истории Микронезии. Я питал надежду, что за мое пребывание в этом островном мире мне удастся разыскать какие-то следы его деятельности, посетив места, которые он исследовал много лет назад.

** В 1979 г. в состав подопечной территории входит официально уже 7 дистриктов, поскольку прибавился дистрикт Косрае, т. е остров Кусаие, выделенный из дистрикта Понапе.*

*** Содружество Северных Марианских островов официально существует с 9 января 1978 г.*

Тиниан

— Вы непременно должны побывать на Тиниане, раз уж попали сюда, в столицу нашей подопечной территории, — настойчиво уговаривал меня мистер Эшмен, глава туризма всей американской Микронезии. С этим человеком я познакомился в потемках правительственных бараков. — Расстояние от Сайпана до Тиниана всего три мили. Я немедленно позвоню Брэнди.

«Должен так должен», — подумал я и мысленно стал готовиться к путешествию на лодке. В данном районе мира это великолепная прогулка по морю — конечно, если нет тайфуна.

Мистер Брэнди (Эшмен ему все-таки позвонил) .оказался владельцем двух небольших самолетов и главой какой-то авиационной линии с пышным названием, в которой он сам выполнял функции директора, пилота и кассира одновременно. Помещение линии располагалось на Сайпане, в постройке на краю международного аэродрома.

Мой новый знакомый отнесся ко мне как к своему старому другу. Сразу же сделал скидку за рейс, который я должен был совершить вместе с тремя пассажирами, тоже летевшими на Тиниан. Впрочем, из окна комнатки хорошо просматривался берег острова.

— Мы обслуживаем самую короткую регулярную линию в мире, — смеялся Брэнди, беспечно заливая в бак бензин прямо из канистры, несмотря на зной. Признаюсь, я с опаской поглядывал на такое обращение с легковоспламеняющимся горючим.

Мы поднялись в воздух. Мистер Брэнди кричал что-то в бортовое радио. Одной рукой он держал штурвал, а другой — банку с пивом.

С высоты птичьего полета хорошо были видны белые кружева пены, обозначающие цепи рифов вокруг обоих островов. Минут через пять после старта мы оказались над северной частью Тиниана — совершенно плоским местом. Вокруг громоздились скалы, а под нами раскинулись бетонные полосы большого аэродрома.

— Это давнишняя военная база, — крикнул мне Брэнди, — гражданский аэродром ближе к Сан-Хосе, сейчас там будем!

Он сделал большой круг над островом в мою честь, чтобы я, как он сказал, «получил представление об этой славной крупице суши», и великолепно посадил самолет у какой-то невыразительной будки, выполнявшей роль аэровокзала.

— Вы пока оглядитесь, — сказал он, когда я выбрался из машины, — я еще разочка два обернусь, надо перебросить кое-какой товар. В пять часов я улетаю отсюда в последний раз, смотрите не опаздывайте.

Я мало знал о Тиниане, пожалуй только то, что он входит в состав Марианских островов и во время второй мировой войны здесь шли тяжелые бои между американцами и японцами. Однако на месте с помощью правительственной библиотеки я значительно расширил свои познания.

Площадь острова Тиниан составляет 100 квадратных километров, и население его — 700 человек. Коренными жителями острова когда-то являлись чаморро, в настоящее время население не представляет никакого определенного этнического типа — это просто островитяне. В течение веков чаморро смешались с моряками, оккупантами, соседями. Известно, что когда-то жители Марианских островов были замечательными мореходами и рыбаками. Они обладали хорошо организованным общественным строем и высокоразвитой материальной культурой. К самым великолепным памятникам прошлого принадлежат гигантские каменные колонны, поставленные обычно в два ряда либо по берегу моря, либо вдоль ручья и, по всей вероятности, представлявшие собой фрагменты каких-то культовых сооружений. Доисторические колонны существовали почти на всех островах архипелага, однако самые великолепные памятники древнейшей и таинственной культуры найдены на Тиниане.

До конца XIX в. Тинианом, как и Марианскими островами в целом, управляли испанцы. Они не слишком интересовались своими владениями, но обороняли острова от попыток британцев и американцев овладеть ими.

Одним из поклонников этих островов оказался лорд Энсон, который зашел на Тиниан во время известного в ту пору кругосветного путешествия. Сейчас почти не помнят о том, что почтенный лорд прежде всего старался напасть на испанский галион, совершавший ежегодный рейс из Акапулько в Манилу, и ограбить его. Он своего добился и захватил галион «Ностра Синьора де Кавадонга» с ценным металлом стоимостью 400 тысяч фунтов стерлингов, что по тем временам составляло головокругительную сумму. Энсон зашел на Тиниан, чтобы подлечить истощенную цингой команду. «У нас было 128 больных, — писал хронист, — некоторые были настолько истощены, что из лодки до импровизированного госпиталя их надо было нести на руках... Спасительное воздействие суши вскоре дало себя знать и казалось чудом. Истощение больных, совсем умирающих, стало быстро проходить. Правда, в первые два дня мы похоронили 21 человека, но позднее за всю двухмесячную стоянку потеряли не больше десяти...»

Энсон и его команда пережили на Тиниане одно из редчайших морских приключений. В одну штормовую ночь «Центурион», корабль Энсона, сорвало с якоря и унесло в открытое море вместе с частью экипажа. На острове остались глава экспедиции и офицеры, всего свыше ста человек. Исчезновение корабля означало для них полную катастрофу. Какова же была их радость, когда 19 (!) дней спустя корабль вернулся к берегам острова, который Энсон намеревался поднести в дар королю Англии. Однако король Георг II не проявил ни малейшего интереса к подарку.

Несколькими годами позже островом пожелал завладеть американский капитан Браун с корабля «Дерби», занимавшийся торговлей сандаловым деревом и мехами в портах США, Гавайев и в Кантоне. Он прочитал отчет о путешествии Энсона (такова сила репортажа!) и решил колонизовать Тиниан и соседние острова. Но испанский губернатор с Гуама выслал карательную экспедицию, которая уничтожила американские посевы и захватила в качестве пленных невольников-гавайцев, перевезенных с родного острова предприимчивым американцем.

Плохо ли, хорошо ли (скорее плохо), но испанцы владели территорией Микронезии до конца XIX в., не придавая особой ценности этим заморским владениям. В 1899 г. острова захватила Германия, чтобы 14 лет спустя передать их японцам.

В 1944 г., ко времени операции «Фуражир», на Ти-ниане находился девятитысячный японский гарнизон. Несчастные солдаты оказались в положении подопытных кроликов: целых 40 дней до вторжения, имея полное преобладание на воде и в воздухе, американцы методично расстреливали их как на полигоне и опробовали на них авиационное оружие нового типа — напалмовые бомбы. Тиниан обстреливали броненосцы «Колорадо», «Тенесси» и «Калифорния», а через трехмильный пролив с захваченного уже Сайпана по острову била сухопутная артиллерия.

24 июля началась десантная операция. Японцы яростно сопротивлялись. Тщательно укрытые орудия нанесли ущерб американским кораблям: 22 прямых попадания в броненосец «Колорадо» (43 убитых и 97 тяжелораненых), 6 попаданий в эсминец «Норман Скотт» (20 убитых, в том числе командир, и 50 раненых).

В боях на Тиниане японцы применили хитроумные минные ловушки, в которых приманкой послужили самурайские мечи, банки с пивом и т. п. Однако атакующие понесли небольшие потери благодаря практике, которую они прошли на Сайпане. Неделю спустя после вторжения 2 американские дивизии оккупировали четыре пятых острова. Формально овладение островом было провозглашено 2 августа 1944 г., но еще целых 3 месяца продолжалась охота на японцев, совершавших дерзкие вылазки из пещер и гротов, в которых они укрылись. В результате этих действий погибло около 500 японцев. За 9 дней боев американцы потеряли около 400 человек убитыми, 2 тысячи человек получили ранения. Было похоронено около 5 тысяч японцев, в плен взято 252 солдата императора.

Американцы торопились расправиться с японцами. Поэтому еще до окончания боев так называемые «морские пчелы», или инженерные войска Соединенных Штатов Америки, начали строительство крупного аэродрома для «летающих крепостей». Через 13 месяцев после вторжения, впервые в истории

человечества, с острова поднялась в воздух атомная смерть. Именно отсюда, с Тиниана, стартовал широко известный бомбардировщик «Энола Гэй», пилотируемый полковником Тиббетсом который 6 августа 1945 г. сбросил атомную бомбу на Хиросиму; здесь же четырьмя днями позже на борт самолета Б-29 погрузили вторую бомбу, которая обрушилась на Нагасаки.

Я беспомощно топтался в комнатке среди пассажиров, которых оставил здесь Брэнди. Я прекрасно понимал, что при имеющейся «плотности» населения на Тиниане нечего и думать о каком-нибудь автобусе или другом виде транспорта. Я мечтал прежде всего осмотреть знаменитую каменную колоннаду — интереснейший памятник доисторической культуры.

— Where are you from? («Откуда вы?») — услышал я вопрос.

Передо мной стоял мужчина средних лет и несколько скучающего вида, который с непосредственностью, характерной для американцев, представился как Мик Ли.

Представившись, я объяснил, что оказался здесь проездом на несколько часов. Мик предложил мне показать все, что здесь вообще можно посмотреть.

— Это будет не так много, не рассчитывайте на чудеса,— предупредил он, подводя меня к довольно потрепанному пикапу, — у меня как раз есть немного времени, потому что знакомый, которого я встречал, не прилетел. Может быть, прилетит последним рейсом Боба Брэнди.

Мы двинулись по неожиданно хорошей асфальтированной дороге.

— Наследство американских саперов, — с готовностью сообщил Мик. — Прямая как стрела и не слишком переполнена транспортом: как видите, здесь не очень много машин.

В поле зрения была всего одна машина, и то наша. Мик, как выяснилось из беседы, был старым айслэндером, как здесь принято называть белых людей, которые прожили в Океании много лет.

— В тысяча девятьсот сорок четвертом году тут была бойня, приятель. Наши закопали около пяти тысяч трупов, а остальные косоглазые растаяли в воздухе.

— Как это?

— Очень просто. Мы недосчитались почти четырех тысяч человек из их гарнизона. Правда, в пещерах на том берегу довольно многие из них покончили с собой, а остальные — наверное, кто на лодках, а кто вплавь — отправились на соседний остров Рота. Скорее всего они утонули. А до чего акулы были упитанные! Если хотите, можно подъехать к какой-нибудь пещере.

— Знаете, Мик, — пытался я осторожно перевести беседу на интересующую меня тему, — я уже видел достаточно военного лома на Сайпане... Вы слышали что-нибудь о колоннах?..

— А-а, latte stones. Опоздали почти на четверть века. Этих колонн больше нет. Правда, что-то там еще стоит. Если хотите — поедем. Это совсем близко. Война

ведь не только эти камни перевернула. Городишко Тиниан тоже был сметен с лица земли. Теперь деревушка Сан-Хосе дослужилась до ранга столицы, и как раз там-то и стоят эти колонны.

Мы въехали в Сан-Хосе. Небольшая церквушка, почта, несколько разбросанных тут и там построек — типичная американская провинция. Городок жарится под солнцем, заливающим зноем весь остров. Мик с шиком подкатил к довольно большому зданию, сложенному из деревянных готовых блоков. Я посмотрел на часы — 12 часов пополудни. Святое время для американцев: ленч. Услужливый хозяин единственного заведения в поселке, не то японец, не то кореец, быстро приготовил нам сэндвичи, включил музыку. В помещении с охлажденным воздухом холодное пиво доставило нам невероятное удовольствие. Мы быстро справились с закуской и поехали дальше.

Я хорошо запомнил увиденную на Сайпане гравюру, изображавшую колоннаду; поэтому то, что предстало моему взору, очень опечалило меня. Из восьми колонн, которые много веков назад, вероятно, поддерживали крышу какого-то солидного здания или церемониальную платформу, уцелела только одна. Остальные лежали на земле. Четырехугольная (единственная) колонна была увенчана тяжелой капителью, сделанной в форме высокой лохани. Все вместе весило, должно быть, несколько тонн. Каким образом устанавливались такие тяжести в давние времена? Зачем? Древняя, неизвестная цивилизация? Загадка по масштабам равная происхождению таинственных статуй острова Пасхи.

Я сделал несколько снимков и попросил Мика увековечить на пленке и меня. Затем мы направились к машине.

Поедем к берегу. — В нем окончательно проснулся гостеприимный хозяин. — Я как-то видел там несколько углублений в виде лоханей, к которым точь-в-точь подходят эти капители.

Действительно, углубления были именно такие, как говорил мой гид. Казалось, огромные верхушки колонн были вынуты отсюда, как косточки из сливы. Но если предположение Мика верно, то интересно, как это было сделано. Мы оба были никудышными археологами. Дискуссия нам ничего не дала.

— В этом месте была самая большая искусственная гавань, какую когда-либо строили на островах Тихого океана. Вот остатки волнореза, там мол для погрузки. Все хорошо продумано...

Я рассматривал причалы, протянувшиеся на много сотен метров, фундаменты огромных складов.

— Сюда заходили даже такие крупные корабли, как броненосец «Колорадо» и большие эсминцы. — Мик был так горд, словно он сам построил эту военную базу.

— А что это за маленькое суденышко на песке?

— Никакого отношения к военной базе оно не имеет. Года три назад, почти сразу после моего приезда в эту дыру, разбушевался тайфун. Судно было выброшено на берег. Если не ошибаюсь, тогда погибло два человека.

Мы снова мчались по уже знакомой мне саперной дороге, на этот раз в противоположную сторону, на Другой конец острова. Местность представляла собой пустынную, слегка холмистую равнину,

простирающуюся по обе стороны Дороги от одного берега до другого. Лишь в одном месте промелькнули строения какой-то фермы. Наверное, как раз здесь выращивались овощи, которые поставляли на Сайпан, о чем мне сообщил Вэл.

Этого нельзя пропустить, — говорил мой проводник, почти как Ашман утром. — Я хочу показать место, где стоит маркер в память старта первой атомной бомбы; конечно, если я его найду — я не был там очень Давно.

Я проехал через весь остров, протянувшийся километров 15 в длину, по его продольной оси, и оказался в плоской местности, где густые заросли в нескольких местах были пересечены полосами бетона шириной с автостраду. Они соединялись сетью более узких подъездных дорог. Мик пересек одну, затем другую полосу: они буквально перерезали поперек весь остров, от одного берега до другого.

— Эти взлетные полосы по пять и более тысяч футов длиной; здесь брали разбег тяжелогруженные «летающие крепости»... Подождите, я, кажется, заблудился.

Мы свернули один, потом другой раз. Бетон, полопавшийся от времени и от проросших корней деревьев, казался мне везде одинаковым. Но Мик знал, что ищет.

— Есть! — обрадовался он.

На небольшой цементированной площадке, которая 30 с лишним лет назад служила стоянкой для крупных бомбардировщиков, возвышался невзрачный столбик с металлической табличкой: «Пункт погрузки атомной бомбы». Такими словами начинался текст, сообщавший, что в этом месте на такой-то самолет такой-то авиачасти была погружена бомба, которая в 02 часа 45 минут вылетела в направлении Хиросимы.

Лаконичный текст, которым отмечено начало новой эры на нашей планете. Обычный цементный столбик, за ним пальма, куст гибискуса и огромная взлетная полоса. Здесь круглый год благоухают гибискусы, а в Японии после того трагического дня надолго перестали цвести вишневые деревья.

— Вот, кажется, и все, что я могу вам показать на острове, — с сожалением сказал Мик. — Приезжайте через год. Тут начнется новая жизнь. Вы, наверное, слышали, что Марианские острова будут выделены из подопечной территории...

Я кивнул.

— ... Весь Марианский архипелаг меняет статус и на основе содружества с Соединенными Штатами Америки будет превращен в стратегическую базу под контролем Пентагона. Недавно я прочитал, что здесь, на Тиниане, предполагается строительство базы снабжения, крупного склада различного снаряжения и учебного центра для маринес. Снова угробят кучу денег.

Мы сели в машину, когда над морем показался самолет Брэнди. Моя поездка на Тиниан подошла к концу.

В последний день моего пребывания на Сайпане безотказный Вэл пригласил меня на бокал вина в роскошный отель «Сайпан-Бич» и после торжественной прогулки вдоль западного берега острова отвез на аэродром. Современные здания аэропорта построены в стиле древних не то гавайских, не то японских хижин, в целом производивших приятное впечатление и к тому же практичных.

Оранжево-белый реактивный самолет, принадлежащий «Эйр Микронезия», уже ждал на поле. Эта машина должна была доставить меня на Яп, остров в западной части Каролинского архипелага, расположенный на расстоянии около 450 морских миль от Сайпана. Улетая со знойного аэродрома, я уносил в сердце образ столичного острова с возвышающейся над ним обрывистой Скалой самоубийц и вездесущей травой тангантанган, покрывающей сплошным ковром некогда плодородную землю.

Первый репортер Микронезии

Ян Станислав Кубари прожил неполных 50 лет и половину этого срока провел в Океании. Ни один из известных в этнографии ученых, исследователей, путешественников не посвятил столько времени исследованию какого-то одного региона. Только на Каролинском архипелаге Кубари прожил 17 лет. После смерти поляка прошло почти 100 лет, а результаты его исследований для мировой науки до сих пор представляют собой бесценное сокровище уже потому, что мира, который наблюдал Кубари, не существует. Цивилизация белых, а позднее военное безумие полностью смели специфику, а заодно и жителей этого островного микрокосма. В настоящее время ни одна серьезная работа о Микронезии не может выйти без замечаний типа «как считал Кубари», «что открыл Кубари» и т. п. Ученые, современники Кубари, такие, как А. Кремер, А. Бастиан, Ф. В. Христиан и другие, были о нем столь высокого мнения, которое явилось бы честью для любого ученого в любое время: «В исследовании Каролинских островов Кубари принадлежит бессмертная заслуга»; «Для исследования Микронезии Кубари сделал больше, чем кто-либо до и после него»; «Работы Кубари являются фундаментом, на который должны опираться все дальнейшие исследования об этих островах».

Кем же он был, этот муж науки, какие обстоятельства способствовали созданию того наследства, которое он оставил науке, и что подняло его над всеми исследователями Океании?

Ян Станислав Кубари родился 13 ноября 1846 г. в Варшаве. Отец Станислава был лакеем, мать Тэкла, немка по происхождению, — домохозяйкой. Когда мальчику было 6 лет, отец умер, и мать снова вышла замуж за варшавского сапожника Томаша Марцинкевича. На Даниловичовской улице 8, т. е. в известном доме «Под крулями», отчим имел мастерскую, в которой и прошла юность будущего исследователя далеких островов.

Пан Марцинкевич был патриотом, истинным поляком, который не мог смириться с подневольным положением родины. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с самого начала восстания 1863 г. Ян Станислав Кубари, еще совсем молодой человек, ученик 6-го класса гимназии, принял активное участие в повстанческой деятельности и выполнял ответственные задания, несмотря на свой юный возраст.

После поражения восстания Кубари вместе с беженцами оказался в Дрездене. Там при не выясненных до сих пор обстоятельствах он становится... осведомителем русского посольства. Это удивительное превращение патриота в жалкого доносчика до сих пор вызывает недоумение историков. Существует мнение, будто на этот шаг молодого человека (Кубари в то время было всего 17 лет) вынудили тоска по матери и желание поскорее вернуться в Варшаву, а возможно, и нажим родственников, проживавших в Германии. Однако независимо от истинных причин, которыми руководствовался Кубари и о которых мы, вероятно, никогда так и не узнаем, его сотрудничество с царской полицией продолжалось и в Варшаве. Будучи в руках опытных агентов, видимо принуждаемый и шантажируемый, уже в качестве студента медицинского факультета он выслеживал своих товарищей по учебе и получал за это деньги.

Эта жалкая деятельность дорого обходилась Кубари который, по-видимому, недостаточно хорошо справлялся со своими обязанностями, коль скоро был арестован и приговорен к ссылке в отдаленные районы России. Может быть, обещание дальнейшего сотрудничества избавило его от наказания. В конце концов, не вынеся такой сложной двойной жизни, молодой человек выбрал радикальное решение — бегство. Отослав матери прощальное письмо, Кубари в марте 1868 г. пешком (!) добрался до Берлина, где в то время проживали родственники матери. Замкнулся первый круг нелегкой жизни будущего исследователя Океании. Вот отрывок из его письма к матери, свидетельствующий о настроениях молодого человека:

«... Сердце мое обливается кровью при мысли, что я должен был бежать тайно, как вор, без твоего благословения и объятия. Я жалкий человек, который всегда жил погрузившись в себя, презираемый всеми, — я привык к горестям, потому что вся моя жизнь, начиная с 1863 г., была сплошным страданием».

В 1869 г. после множества мытарств Кубари в поисках работы прибыл в Гамбург и при посредничестве новых друзей попал в крупный торговый дом «Дж. К. Годафруа и сын». Это был особый экономический организм. В то время, когда Кубари искал работу в Гамбурге, филиалы Годафруа действовали в Америке, Чили, на Кубе и в Океании; независимо от этого предприятие имело долю в банках и промышленности. «Дом Годафруа», возглавляемый, как обычно, очередным «Иоганном Цезарем», стал в тот период не только мощной торговой организацией, но и покровителем науки и искусства. Благодаря Годафруа VII возник известный впоследствии Музей естественной истории, стали выходить научные журналы, а также были привлечены ученые и собиратели коллекций в области природоведения и этнографии Южных морей. В те времена в Европе неслыханно возрос интерес к экспонатам такого рода, и наряду с костюмами, реликвиями, оружием и обычаями островитян они будили неизменное любопытство. «Король Океании» — так называли Годафруа — делал в этом регионе свои «кокосовые дела» в прямом и переносном смысле слова*. Он мог себе позволить такую роскошь, как занятия этнографией. Правда, благодаря этому капризу был сделан большой вклад в науку. Владелец этой фирмы сумел по заслугам оценить Кубари и с 1 апреля 1869 г. зачислил его на работу в качестве собирателя экспонатов на Тихом океане для музея Годафруа. Кроме того, Кубари было предписано сотрудничать с журналами, которые издавал Годафруа. Через месяц с контрактом, заключенным на 5 лет, Кубари отправился на борту судна «Вандрам» на Самоа, острова, которые в то время назывались островами Мореплавателей. Начинается очередной, важный этап в жизни 22-летнего человека, который юноша открывает довольно неуклюжими стихами, адресованными матери; отрывок из них мы здесь приводим:

Увы мне, я бедный изгнанник ничтожный!

Кто со мной простился? Германия, мой боже!

Меня проводил орел черный на стяге,

С корвета немецкого выстрела пламя...
Ах, если б увидел я белое знамя,
В душе цело бы столько отваги! **

Переезд Кубари на Самоа продолжался 130 дней. Поляк высадился в Апии и явился в местную факторию Годафруа, где его тепло приняли. В общей сложности молодой человек провел на островах Мореплавателей 8 месяцев. В какой-то мере он готовился к выполнению своей основной задачи — изучению Каролинских островов, где, как мы уже знаем, он должен был заняться сбором экспонатов. Однако уже в Полинезии поляк обратил на себя внимание своими способностями к языкам, так как за короткое время научился говорить на языке самоа. На Самоа Кубари написал также свой первый научно-популярный репортаж, опубликованный в 1873 г. в варшавском «Тыжднике иллюстрированом»: «Зарисовки с Матросских островов (островов Мореплавателей) на Великом океане, собранные в 1870 г. Яном Кубари, с гравюрами по фотографиям, сделанным автором на месте».

На острове Савайи Кубари сделал свое первое научное открытие: обнаружил неизвестный науке вид птиц, который впоследствии был назван зоологами *Pereudiastes pacificus*. Это была камышница — разновидность водной курочки.

Путешествия Кубари по Океании чаще всего зависели от рейсов торговых судов, принадлежавших «Дому Годафруа». Этот флот насчитывал 27 кораблей. Одним из них была «София». На ее борту Кубари отправился Микронезию, т. е. в тот район мира, с которым оказалась связана вся его последующая жизнь. В противоположность Полинезии, уже значительно разрушенной цивилизацией белых, Микронезия с ее первобытной культурой была в то время почти нетронута.

«София» доставила Кубари к Маршалловым островам туда, где в южной части архипелага расположены острова Эбон. Они представляют собой атолл, округлый контур которого складывается из 21 едва выступающего над поверхностью воды кусочка суши. Следует добавить, что поверхность всех этих крошек, вместе взятых, не насчитывает и 6 квадратных километров. Эбон был открыт лишь в 1824 г. американским китобоем капитаном Джорджем Джоном, т. е. менее чем за 50 лет до прибытия туда Кубари. На этой «земле» путешественник провел 4 месяца.

В биографии будущего исследователя Каролинских островов Эбон замечателен тем, что здесь им была написана первая научная работа, изданная на немецком языке в «*Journal des Museum Godeffroy*», в первой тетради данного издания за 1873 г. Важнейшей частью исследования поляка был небольшой словарь языка жителей Эбона. Кубари повезло на острове и как естествоиспытателю, так как там ему удалось найти образцы чрезвычайно редкого коралла *Ravonia raregesea*. Описание островов Эбон открыло большую серию, научных публикаций Кубари, которые принесли ему заслуженную славу.

В начале сентября 1870 г. Кубари наконец впервые попал на Каролинские острова, на этот раз на борту судна «Сусанна». Он высадился на Понапе, а затем оказался на интереснейшем и в наше время острове Яп, лежащем в западной части архипелага, который в соответствии с указаниями, полученными еще в Гамбурге, должен был стать основным* предметом его исследований.

С Япа начинается красочный калейдоскоп островов, на которых целых 17 лет (с небольшими перерывами) жил и работал мой соотечественник: различные острова Палау, так много значивший в жизни Кубари Понапе, потом Мортлокс, группа Нукуро, Трук и др.

Первый период напряженной работы исследователя завершается в 1874 г. За плечами Я. Кубари значительные результаты научного исследования Каролинских островов, архипелага, который до второй половины XIX в. был для Европы белым пятном. К несомненным достижениям поляка принадлежат его исследования на Япе — острове самых удивительных денег в мире. Это ставшие повсеместно известными каменные диски в два метра диаметром. Позади остались исследования Палау, где он достиг особенно значительных успехов в науке. Август Кремер, который посвятил свою жизнь дальнейшим исследованиям Микронезии, писал, что «1871 год был для Палау особенно значительным вследствие прибытия туда Яна Станислава Кубари. Свыше двух лет работал варшавянин на этих островах. Он сумел заслужить такое безграничное доверие местного населения, что его даже выбрали рупаком, что имело решающее значение для проникновения в тайники жизни островитян».

Никто из ученых до и после него не смог собрать столь существенных материалов о Жизни островитян на Палау. Кубари пользовался таким их доверием, что не колеблясь принял образ жизни и одежду местных жителей. Он совершенно отказался от чопорности, обязательной в то время у белых людей при контактах с аборигенами. Такая манера держаться наверняка стала источником успехов и ценности научных работ Кубари. В то же время она вызвала неприязнь белых исследователей и чиновников, которые обвиняли Кубари в унижении достоинства посланника немецкого научного учреждения. Один из таких «ученых» (Люшан) писал о Кубари, будто тот «одичал и живет на деревьях». В будущем подобные высказывания оказали решающее влияние на судьбу польского исследователя.

В августе 1874 г. на борту шхуны «Альфред» поляк покидает Понапе, чтобы через Самоа отправиться в Европу. В трюмах Кубари вез с собой десятки ящиков с экспонатами, которые за 5 лет тщательно собрал на Каролинских островах. Особенно ценными среди них были кости, черепа и памятники материальной культуры, изъятые из таинственных гробниц в руинах Нан Мадолла на Понапе.

Все эти коллекции безвозвратно погибли, так как «Альфред», которым командовал молодой, неопытный капитан, разбился на рифах Ялуит (Маршалловы острова) С опасностью для жизни Кубари спасает незначительную часть коллекций. Затем он торопливо пытается пополнить их на близлежащих островах и на Самоа. Однако ничто не может возместить огромную по-терю коллекционера. В тяжелом состоянии он направился в Европу кружным путем через Тонга, Новую Зеландию и Австралию. Он оказался одним из

первых поляков который проплыл по только что открытому Суэцкому каналу. В мае 1875 г. Кубари прибыл в Гамбург. Там против всех его опасений работодателя, пришедшие в восторг от остатков коллекции (23 ящика), предложили ему заключить новый контракт и отправиться на работу в Южные моря.

Важным событием в этой поездке стал отказ от польского гражданства и получение... британского подданства. Это произошло в Сиднее 12 февраля 1875 г. «Характерен тот факт, — писал Лех Пашковски, историк польской эмиграции, — что Кубари, у которого мать была немкой, большую часть жизни работал на немцев, но не принял гражданства от своих хозяев, а предпочел натурализоваться в Австралии» ***.

Кубари мечтал повидаться с матерью и побывать на родине. Но это оказалось не так-то просто сделать — для царских властей польский ученый остался политическим эмигрантом. Однако протекция могущественного «Дома Годафруа» сыграла свою роль, и Кубари получил разрешение на въезд в Варшаву. В подарок матери с далеких островов он привез несколько чучел птиц и множество экзотических мелочей. Позднее эти экспонаты приобрел варшавский фотограф Мечниковски.

Во время пребывания Кубари в Польше существенным событием стало его участие во II съезде польских врачей и естественников во Львове в июле 1875 г. Наш путешественник был принят очень сердечно, избран одним из секретарей съезда, ему даже предложили прочитать доклад. Его доклад назывался «Отчет о научных достижениях за несколько лет путешествий в Австралии». Не подлежит сомнению, что это был первый Доклад, сделанный в Польше, содержащий сведения о Микронезии.

1876 год принес Кубари новый пятилетний контракт с музеем Годафруа, и он отправился в Микронезию весной того же года. Постоянной базой Кубари стал остров Понапе, где он построил просторный дом и заложил, вероятно, первый в этом регионе ботанический сад. Это вовсе не значит, что поляк собрался вести оседлый образ жизни. Кубари начал как бы второй раунд исследовательских экспедиций в районе Каролинских островов и посетил крошечные острова архипелага, о которых не слышали даже капитаны судов, плавающих в этом районе Тихого океана. Кубари путешествовал на утлых лодках островитян, на которых прошел тысячи миль по бурному океану. Его можно упрекнуть лишь в получении неполного университетского образования, но ему нельзя отказать в отваге во время путешествий. Эти научные экспедиции в одиночку представляли собой нагромождение опасностей и неудобств, но зато давали возможность для таких наблюдений и исследований, которые во всей их полноте сумели оценить лишь в наше время.

В период, когда Кубари со всей присущей ему энергией расширял «территорию» своих научных исследований и в нем кипели творческие силы, на него словно камень на голову обрушилась весть об одностороннем разрыве «Домом Годафруа» контракта с ним, причем без компенсации. Это произошло в сентябре 1879 г.

Этим грубым разрывом Кубари обязан Веберу, немецкому консулу на Самоа и представителю интересов Годафруа в Океании в одном лице. Этот имперский чиновник, подготавливавший недалекий уже выход немецкого государства в Тихий океан и аннексию после испанской Микронезии, не выказывал сочувствия науке. И когда «Дом Годафруа» в конце 70-х годов начал приходить в упадок, Вебер тотчас уволил Кубари, поскольку господин консул составил себе не самое лучшее мнение о моем земляке на основе всякого рода доносов. Он не мог ему простить сближения с местными жителями, защиту их интересов при контакте с белыми торговцами, а также, возможно, польское происхождение. Консулу, конечно, было известно, что Кубари написал в варшавском «Тыгоднике иллюстрированом» об интересах немецких торговцев на Самоа; принимал участие в съезде польских врачей и естественников; ощущал себя поляком и мечтал, чтобы его похоронили на берегах Вислы.

Разрыв контракта поставил польского исследователя в чрезвычайно трудное положение. Он остался практически без средств к существованию и поэтому не мог вернуться в Европу. Ян Кубари, которого весть об увольнении застала на островах Трук, снова на утлой местной лодочке отправляется домой, на Понапе. Во время этого перехода очередной тайфун (их силу наш исследователь уже не раз ощущал на себе) едва не разрешил все его заботы. Разбитая лодка была выброшена на одном из атоллов Маршалловых островов, далеко от Понапе. Однако наш путешественник все-таки добрался до Понапе и попытался перестроить свой образ жизни, стараясь приспособиться к новым обстоятельствам.

В тот период Кубари уделял много внимания и времени своей плантации, но все напрасно — урожай кокосов, кофе, ананасов и табака не принес дохода, на который он так рассчитывал. В связи с женитьбой положение Кубари становится еще более тяжким. Расходы его все возрастают. Женой Кубари стала Анна Джелиотт — дочь американского методиста, который в то же время являлся одним из вождей на Понапе. Этот союз еще больше сблизил поляка с островитянами. Вскоре появился на свет сын Бертрам, который, к несчастью, вскоре умер. Материальное положение Кубари все ухудшалось, однако он не оставлял своей научной деятельности. В то время, когда Кубари не мог пользоваться бесплатными переездами на судах Годафруа, он занимался систематизацией материалов и подготовкой их к печати. За этот период исследователь отправил большое количество статей как в польские, так и в европейские журналы (главным образом в немецкие). Таким образом, 1882 год становится для Кубари особенно значительным — это год, когда выходит из печати целый ряд его работ. Приходит окончательное признание заслуг ученого, приходит известность.

К тому же периоду относится бурная переписка, которую Кубари ведет с адресатами из Польши. Из нее видно, как тяжело жилось исследователю без контактов с родным краем, как он тосковал без живого польского слова. В одном из писем, адресованных в варшавский журнал «Пширода и Пшемьсл», он писал: «Прежде всего, я хотел бы получать какое-нибудь издание о повседневной жизни вечно дорогой мне Варшавы (что-нибудь вроде „Курьера" или какой-нибудь другой газеты), а затем весьма желательны журналы, знакомящие с обеими проблемами научной жизни в нашей стране („Тыгодник иллюстрированы")»,

Кубари писал, отвечал на письма, получал авторские экземпляры своих работ, доброжелательно принятых научной средой.

И снова удар: ураган уничтожил плантацию Кубари! Наш энергичный исследователь решился на смелый шаг — он отправился в Японию искать работу в Этнографическом музее в Токио, но там нашел лишь краткий приют. Печально было его возвращение на Понапе через Гонконг и Гуам.

На Понапе его ожидал сюрприз — письмо с предложением приступить к работе для музея в голландском городе Лейдене. Это письмо — дань уважения, каким Кубари пользовался среди людей науки, многолетнюю дружбу которых он снискал, несмотря на огромное расстояние, разделяющее их. На этот раз места для него добился доктор Шмельтц, высоко ценивший способности и деятельность Кубари. Обрадованный тем, что снова серьезно сможет заняться научной работой, Кубари влез в долги и по желанию будущего работодателя отправился на Палау. Он работал там с энтузиазмом, собирал коллекции, писал. Но его подстерегал еще один удар: в следующем письме доктор Шмельтц сообщал, что музей отказался подписать контракт под влиянием мнения немецких путешественников, которые обвиняют Кубари в расточительстве и излишнем сближении с местными жителями. Стрелка судьбы Кубари падает до нуля. На этот раз его положение становится еще более тяжелым. Поляк уже не один: у него на руках жена и только что родившаяся дочь Изабелла. Хорошо, что белый рупак снова жил на Палау, где жители неизменно выказывали ему доброжелательство и уважение. Поэтому Кубари не умер с голоду и по привычке продолжал собирать научный материал. Его угнетало отсутствие денег на книги, одежду и другие потребности европейца. Кубари с головой погрузился в работу. На Палау он написал несколько ценных трудов.

Его упорство получает вознаграждение. Дают себя знать старые научные и дружеские связи — Этнографический музей в Берлине предлагал ему подписать договор. Период нужды остался позади, будущее представляется многообещающим. Кубари написал свою первую книгу «К вопросу об этнографии Каролинского архипелага» (эта работа вышла в 1895 г. на немецком языке). Получив некоторую материальную независимость, Кубари стал методично вести дальнейшие полевые исследования. Он посетил мелкие острова архипелага, на Япе продолжил изучение «денежной системы» острова, собрал для Берлина огромное количество экспонатов, много работал. Ничто не предвещало катастрофы, но она все же вскоре разразилась: Берлинский музей' безоговорочно разорвал контракт, ссылаясь на якобы неподходящий стиль работы исследователя, унижающий достоинство представителя немецкой науки. Руководство музея также было недоволено сближением ученого с местным населением и т. п. С мая 1885 г. Кубари остался без работы и без денег. Эти долгие месяцы стали для него настоящим кошмаром. Он решил, что теперь ему уже никогда не удастся заняться научной деятельностью.

Отстраненный от любимой работы, Кубари волей случая становится свидетелем значительного по тем временам события. В августе 1885 г. король Испании, обеспокоенный проникновением в этот район европейских держав, в частности Германии, издал приказ об официальной аннексии Каролинских островов. Была назначена точная дата, и, наверное, все прошло бы в соответствии с планами, если бы днем раньше не пришло немецкое судно, которое осуществило акт присоединения острова Яп к Германии. Разыгрался такой мощный дипломатический скандал, что папе Льву XIII пришлось мирить враждующие стороны. В результате переговоров Германии были предоставлены в этом районе широкие торговые права, а Каролинские острова формально приписаны Испании.

Месяцем позже в жизни Кубари внезапно произошел решительный поворот. Со специальной миссией к острову подошел немецкий военный корабль «Альбатрос» под командованием капитана М. Плюддемманна. Этот офицер нанял Кубари в качестве переводчика и забрал на корабль всю его семью. «Альбатрос» посетил один за другим ряд Центральных и Восточных Каролинских островов (в том числе Понапе) и в каждом случае совершил аннексию острова с поднятием немецкого флага и артиллерийским салютом. Эта колонизаторская деятельность Плюддемманна и его корабля, разумеется, не делает чести Кубари, который всегда сходил на берег как переводчик и представлял империалистические интересы Германии. Однако причину такого поступка талантливого ученого следует искать в его отчаянном материальном положении.

После завершения миссии «Альбатроса» Кубари с семьей добрался на борту этого корабля до Меланезии, точнее говоря, до Новой Британии, расположенной поблизости от Рабаулу. Здесь поляк получил на два года место надсмотрщика на кокосовой плантации немецкого консула Гернсхайма. Это был последний творческий период в жизни Яна Станислава Кубари. Именно здесь увидели свет его последние работы.

В 1887 г. Кубари и его семья переехали на Новую Гвинею в окрестности Константингафена, на побережье залива Астролябия. По контракту с немецкой Компанией Новой Гвинеи он работал там в качестве начальника торговой станции, т. е. по роду деятельности стал скорее лавочником, чем ученым. Больше для собственного удовольствия, чем в целях научного исследования, Кубари стал собирать коллекции в области орнитологии, природоведения и этнографии. Такое положение сохранялось до конца 1891 г. Несмотря на хорошее состояние дел на станции, возглавляемой поляком, Компании Новой Гвинеи контракта с ним не возобновила. Неблагоприятный климат в районе бухты Астролябия сильно подорвал здоровье Кубари: у него участились приступы малярии.

— Возвращение в Европу или могила на Новой Гвинее, — к такому мнению приходят его врачи.

В 1892 г. поляк вместе с женой и дочерью отправился на родину. В Гамбурге его сердечно приветствовали ученые, ведь Кубари имел уже заслуги, известные в научных кругах. Он сделал несколько докладов, навещил друзей, в том числе неизменно расположенных к нему Шмельтца и Бастиана. Но он заторопился в Польшу. Там, так же как годы назад, как раз собирался уже VI съезд польских врачей и естественников. Кубари питал некоторые надежды на встречу с представителями польской науки. Вероятно, он мечтал о какой-нибудь должности на родине, где мог бы употребить свои уникальные познания. В докладе,

сделанном на съезде, Кубари недвусмысленно заявил, что хотя он работал в Океании для иностранных учреждений, но свою деятельность посвятил польской науке и именно ей мечтает посвятить остаток жизни. В ответ — молчание. Не нашлось для него работы и в Германии.

В конце 1894 г. мы снова видим Кубари на Новой Гвинее, климат которой был для него убийственным. Здесь он опять потерял работу, но эти события не произвели на него сильного впечатления, ведь подобное повторялось с ним постоянно, словно в кошмарном сне. За бесценок он продал коллекцию бабочек, птиц и отправился на Понапе, единственное место на свете, где ему всегда было хорошо. Он оставил дочь Изабеллу учиться в сингапурской женской школе, которая находилась в ведении французских монахинь ****. После разлуки с дочерью в пути у Кубари случился тяжелый сердечный приступ, и он вынужден был прервать поездку в Маниле. Здесь он пролежал несколько месяцев в больнице, что поглотило его последние сбережения, и на Понапе прибыл нищим человеком. На месте оказалось, что он стал нищим. Оказывается, его плантация уже не существовала, она была уничтожена боями, которые островитяне, вели с испанцами. Дело в том, что под конец существования империи испанцы в страхе перед германским империализмом стали размещать на Каролинских островах военные гарнизоны. Островитяне, решительно не желавшие этого, схватились за оружие. Эти военные столкновения происходили, в частности, непосредственно на участке Кубари. Более того, испанская администрация вообще поставила под сомнение право собственности Кубари на этот клочок земли и была намерена поселить на нем какого-то чиновника. Таким образом, оказалось, что после 30 лет труда в Океании у Яна Кубари не было буквально ничего, кроме самоотверженной жены и слабого здоровья. Несколько месяцев спустя, 9 октября 1896 г., Яна Станислава Кубари нашли мертвым на могиле сына. Неутомимый исследователь Океании, вероятно, покончил с собой. Смерть Кубари была с грустью принята как в Германии, так и в Польше. Редактор его работ И. Д. Е. Шмельтц, питавший к поляку дружеские чувства, прощаясь в некрологе с «известным всей этнографии прославленным исследователем», писал, что ученый «обладал даром души, позволившим сблизиться с островитянами, завоевать их доверие и проникнуть в сокровеннейшие тайны их жизни...»

В Польше о нем написал Людвик Кшивицки: «Скончался исследователь, о котором, возможно, кое-что известно в нашей стране, но я сомневаюсь в том, что у нас понимают всю ценность его изысканий. Этот этнограф имеет в научном мире громкое имя, хотя и не такое, какое заслужил...»

Около двух десятилетий спустя профессор К. Столыхва как бы продолжил эту мысль: «Со стыдом следует признать, что в нашей стране почти ничего не известно о знаменитом земляке, который хотя и писал главным образом на иностранном языке, но мыслил по-польски (о чем свидетельствует его манера писать по-немецки), считал себя поляком и мечтал о возвращении на родину. Кубари долгие годы ждал справедливой, по праву ему принадлежащей оценки его деятельности в Германии; в конце концов после смерти его оценили и даже начали собирать деньги на памятник знаменитому „немецкому“ ученому. Германия лишает нас не только земель, но и наших научных заслуг, присваивая ценнейшие явления нашей культуры, творцов нашей науки. Именно к таким творцам принадлежал Кубари. И случилось непоправимое — он был вынужден работать и творить среди чужих, потому-то его имя присваивает чужая культура» *****.

В настоящее время значение работ Я. Кубари по этнографии Микронезии бесспорно. Серьезным считается также вклад поляка в картографию этих островов и добытые им сведения об их фауне. Никто не подвергает сомнению и тот факт, что большей частью существующих в Европе этнографических собраний с Каролинских островов музеи обязаны именно польскому исследователю. Велики его заслуги в области изучения языков и диалектов Океании. Деятельность ученого увековечена скромным памятником, поставленным ему на Понапе, а также присвоением его имени горе на Новой Гвинее — Кубари-Берг. Его имя также сохранилось во множестве латинских названий в области орнитологии (*Corous Kubari* — птица), энтомологии (*Phibalasoma Kubari* — насекомое), конхологии (*Paruina Kubari* — раковина).

Имя Кубари, поляка трагической судьбы на службе немецкой науки, своеобразно увековечено в истории острова Понапе, который он так любил. В 1899 г., не в силах удерживать свои заморские владения, испанцы продали Микронезию Германии. Простодушные местные жители очень скоро почувствовали тяжелую руку пруссаков. В 1910 г. на Понапе началось восстание против немцев. Его глава, островитянин и старый друг поляка, взял псевдоним «Кубари». Борьба продолжалась много недель. Повстанцы оборонялись от немцев на высоком скалистом острове Сокас. Положение в корне изменилось по прибытии немецких военных кораблей, в том числе «Корморана» (того самого, что позднее затонул на Гуаме). Восстание было подавлено, а 17 его руководителей во главе с «Кубари» предстали перед взводом, выполняющим смертный приговор. Так человек, который обладал «даром души, сблизившим его с островитянами», умер еще раз после своей смерти. Недоброжелатели Кубари постоянно осуждали его гуманное отношение к местным жителям, которое якобы наносило ущерб немецкой науке. События 1910 г. на Понапе выявили истинное лицо этой «великой» нации.

* Здесь игра слов: в польском языке выражение «делать кокосовые дела» имеет значение «заниматься бизнесом, наживаться».

** Отрывок из стихотворения Кубари взят из кн.: Слабчиньски В. На островах Океании. Варшава, 1956. Слово «знамя» употреблено из-за цензуры, следует, конечно, читать «орел».

*** *Polisy w Australii i Oceanii. L., 1962, c. 202.*

**** Закончив школу, дочь Кубари ушла в монастырь и долгие годы работала учительницей под именем сестры Гумбелины; умерла в 50-х годах; из польских историков вел с ней переписку об ее отце лишь В. Слабчиньски.

***** Цит. по кн.: *Wyrych K. W cieniu fe, Wroclaw, 1969, c. 171—173.*